

КРИТЕРИИ «ВАРВАРСТВА» ЭПОХИ ОСТГОТСКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

С.В. Санников

Сибирский филиал Международной
кафедры ЮНЕСКО прав человека
и демократии при МГИМО (У) МИД РФ,
Новосибирск

Sannikov_SV@yahoo.com

В статье рассматривается вопрос о формировании культурной идентичности политической элиты остготской Италии начала VI в. н.э. Анализ широкого круга источников позволил автору выявить развитие представлений о состоянии «варварства» и предложить на этом основании новую концепцию периодизации Остготского Возрождения.

Ключевые слова: остготы, варвары, Возрождение, Италия, Теодорих, Кассиодор.

CRITERIA OF «BARBARISM» IN THE OSTROGOTHIC RENAISSANCE

S.V. Sannikov

Siberian Branch of the UNESCO
Chair for Human Rights and Democracy
at the Moscow State Institute of International
Relations (MGIMO) of the Ministry
of Foreign Affairs,
Novosibirsk

Sannikov_SV@yahoo.com

The article discusses the formation of cultural identity of the political elite of Ostrogothic Italy in the beginning of the VI century. Analysis of a wide range of sources made it possible to identify the development of ideas about the state of «barbarism» and to propose a new concept of periodization of the Ostrogothic Renaissance.

Key words: Ostrogoths, barbarians, Renaissance, Italy, Theodoric, Cassiodorus.

Остготское Возрождение характеризуется как «одно из ярчайших явлений Средневековья... расцвет религиозной и светской культуры, ориентированной на придворную среду и ее вкусы, наступивший на рубеже V–VI вв. в крупных центрах Остготского королевства – Риме, Равенне, Милане» [17, с. 80]. Как справедливо отмечает Г.Г. Пиков, представление о раннесредне-

вековых варварских «Возрождениях» было сформировано в отечественной науке под влиянием работ В.И. Уколовой, предложившей концепцию «Возрождения V–VII вв.»: «Раннее средневековье в Западной Европе как бы обрамлено двумя периодами оживления культуры: начало VI – первая треть VII в. (так называемые Остготское и Вестготское возрождения) и первая половина

IX в., а затем конец X в. (Каролингское и Оттоново возрождения). Между ними располагается полоса своеобразного летаргического сна» [9, с. 164].

В работах зарубежных исследователей нет единства восприятия сущности Остготского Возрождения – отдельные авторы полагают, что римская культура выполняла лишь декоративную роль в деятельности остготского королевского двора [24, р. 259]. Другие авторы, наоборот, рассматривают варварские «Возрождения» как этап в становлении особого типа европейской культуры, формировавшегося при активном участии королевской власти [26]. Полагая, что окончательная точка в данном споре вряд ли когда-либо будет поставлена, отметим, что уточнению сущности такого сложного культурного явления, как раннесредневековые «Возрождения», может способствовать анализ базовых категорий и понятий, при помощи которых соответствующая культурная система позиционирует себя в отношении иных культурных систем. Одной из ключевых категорий такого рода, обладающих известной универсальностью, может считаться категория «варварства», противопоставляемая в контекстно-смысловом поле совокупности представлений о гражданской культуре и состоянии «цивилизации».

Для носителей остготской государственной идеи восприятие римской культуры и отказ от «варварского» образа, с которым традиционно отождествлялся германский мир, может считаться отправным моментом. Так, в послании Теодориха к Гундобаду, королю Бургундов, Теодорих пишет: «Известно, что при Вас Бургундия вещи изысканнейшие лицедрет, изобретения древних восхваляет: Вашими усилиями оставляет варварский образ жизни (proposi-

tum gentile deponit) и благодаря мудрости своего короля приобщается достижениям разумнейших» [21, I, 46]. В данном фрагменте «вещи изысканнейшие»¹ (*res subtilissimae*), это, по всей видимости, часть того самого «великолепного блеска Рима», о котором писал Аммиан Марцеллин [1] и который вызывал «великое восхищение» готов в описании Иордана [25, Get. 144]².

В другом послании, обращенном ко всем провинциалам Галлии, Теодорих пишет о «римском обычае», который «способствовал процветанию предков». Далее следуют особо важные сентенции: «Возвращаясь... к древней свободе, облачитесь в одеяния римских нравов, оставьте варварство (*exuite barbariem*), удалите свирепость помыслов: при справедливости (*aequitate*) нашего времени не к лицу вам вести образ жизни согласно чужим обычаям (*motibus alienis*)» [21, III, 17]. Очевидно, что Теодорих придавал большое значение новому состоянию своих граждан и представителей других «варварских» народов, которых он стремился видеть подчиненными его славному роду. Это новое состояние однозначно рассматривалось как отстранение от «варварских» традиций, объединение «не только имений, но и самих душ готов и римлян» [21, II, 16]. Образ жизни, отличный от нравов римских граждан, объявляется остготскими королями «чужим»: «Ты вошел в школы афинян... чтобы учение греков сделать наукой римской» [21, I, 45], т. е. «нашей», «своей» наукой, пишет Теодорих Боэцию. Новая культура заявляет о праве «преемства», возрождении древней тради-

¹ В данном послании речь идет о механических часах.

² В соответствии с устоявшейся практикой цитирования источника здесь и далее по тексту при цитировании указывается сокращенное название и номер параграфа: Get. 144.

ции: «Вы вновь облачаетесь в одеяния римских нравов». В данном примере обращает на себя внимание даже текстуальное сходство с фрагментами из памятников эпохи Каролингского Возрождения³.

Однако, при сопоставлении данных сентенций со свидетельствами Прокопия Кесарийского обнаруживается определенное противоречие. Согласно Прокопию, готы, желая жить более согласно с «варварскими обычаями», ссылаются именно на Теодориха, который «не позволял никому из сыновей готов посещать школы учителей», т. е. заниматься науками, подобно «первым лицам у римлян» [11, I, 2:6–14]⁴. Для разрешения подобного рода противоречий необходимо выяснить, о каких именно «обычаях» идет речь в работах Прокопия и Кассиодора, так как представляется, что в данном случае имеет место некоторое расхождение между римским и остготским пониманием «цивилизованности» и «варварства».

Важно правильно оценить то значение, которое играл «римский обычай» для новой остготской государственности. «Римский обычай» в представлении готов, это то, что отделяет «древний... и благородный со времён предков» [21, IX, 25] род римлян от племени не менее древних и славных ратными делами готов. Племя готов, «прославившись чудесным образом» [25, Get. 89], достигло «вершины римской власти» [25, Get. 88], но из писем Теодориха становится ясно, что такое достижение не будет состоявшимся без возрождения *Imperium*'а⁵

³ Муадвин: «К древним обычаям вновь возвращаются нравы людские». Цит. по: [8, с. 230].

⁴ Здесь и далее по тексту при цитировании указывается номер книги, главы и соответствующего фрагмента.

⁵ Здесь и далее по тексту статьи понятие «*Imperium*» используется в значении, предложен-

ном в исследованиях Г.С. Кнабе, и понимается как специфический римский государственный организм.

под его личным началом. Такое «возрождение» на первом этапе неизбежно обращается к проблеме «варварства». Необходимо дистанцироваться как от повседневных проявлений данного качества, что найдет свое отражение в законотворческой деятельности Теодориха, так и от исторического участия готов в складывании образа *varvaricum*'а, что, в свою очередь, будет отражено в творчестве Кассиодора.

А.Р. Корсунский, ссылаясь на 17-е письмо III книги *Variae*, отмечает, что «варварство» для Теодориха – это «примитивное состояние общества, которому он противопоставляет римскую свободу и цивилизованность» [7, с. 22]. Хотя данное определение в целом верно указывает направление, оно тем не менее ставит ряд вопросов. Теодорих (точнее, его квестор Кассиодор) действительно использует такое понятие, как «*libertas antiqua*» (т. е. «древняя свобода»): «Возвращаясь к древней свободе... облачаясь в одеяния римских нравов...», но Боэций свидетельствует, что проблема остается по-прежнему неразрешенной: «Я был обвинен в том, что надеялся на восстановление римской свободы» [2, с. 197]. Становится ясно, что для Теодориха «древняя свобода» не есть то же, что «свобода римская», и это вполне объяснимо, учитывая тот факт, что фигура правителя для него обладала максимальной суммой *maiestas* (т. е. общественного величия), и о восстановлении «римской свободы» не могла идти речь. Представление об исконной германской свободе также в данном случае не подходит, так как система отношений, обозначенная как *Germanorum libertas*, противопоставлялась в целом миру *Imperium*'а [6, с. 137], и имен-

но «варварству» Павел Орозий приписывает «неспособность подчиняться законам» [13, с. 299], т. е. «свободу» от каких-либо обязательств перед обществом. Теодорих же, наоборот, предлагает вернуться к иному прочтению понятия «свободы», противопоставляя ее варварскому беззаконию, подобно тому как это сделает в свое время Аламанно Ринуччини: «...скорее само подчинение законам и есть высшая свобода... ибо мы подчиняемся законам, чтобы быть независимыми» [3, с. 127–128].

У Прокопия встречается свидетельство, что Теодорих не оставил после себя законов [11, II, 6, 17], но автор, скорее всего, заблуждается на этот счет, так как человек, пославший письмо с похвалой к Гундобаду, не мог не знать об издании последним кодекса обычного права бургундов (*Lex Gundobada*) и сборника норм римского права (*Lex Romana Burgundionum*). Учитывая амбиции Теодориха, его слова о том, что Бургундия через приобщение достижений разумнейших людей оставляет варварские устремления, сложно предположить, что Теодорих не уделял внимания систематизации права в своем королевстве⁶. Аноним Вalezия прямо свидетельствует, что Теодорих «своим эдиктом установил правосудие (*edictum suum, quo ius constituit*)» [19]. В пользу остготского происхождения «Эдикта»⁷ говорит также и то, что Теодорих стремился провести в жизнь подчинение закону с очевидной настойчивостью: в обращении к «вар-

⁶ Существует точка зрения о том, что остготские правители занимались законотворческой деятельностью, однако памятники остготского права не сохранились: [23, р. 25].

⁷ В настоящее время эдикт по-прежнему приписывается рядом исследователей более раннему вестготскому правителю Теодориху II (хотя итальянские исследователи предпочитают версию остготского происхождения). Более подробно см.: [23, р. 22].

варам Паннонии» Теодорих призывает их подражать готам и отказаться от обычаев решения споров в обход суда. Удалить «свирепость помыслов», оставить «варварство» в понимании Теодориха значит соблюдать закон и правопорядок внутри государства, не пользоваться оружием против сограждан: «Отложите оружие, кто не имеет врагов. Хуже всего, что против подданных поднимаете руку» [21, III, 24]⁸.

Из анализа писем Теодориха становится ясно, что его политика была продуманным комплексом мер, направленным на преодоление психологического барьера между варварским происхождением остготов и их новым государственным статусом. Для Теодориха сохранение римских институтов и атрибутов власти было гарантом того, что готы не вернутся *ad mores*, к племенным «естественным» нравам, т. е. к «варварству». Это, по всей видимости, должно было стать первым этапом восстановления былого римского влияния на «Провинцию», т. е. заполнения той политической ниши, которая образовалась в Галлии после исчезновения там руководящего римского влияния. Для настоящего исследования это имеет принципиально важное значение, так как Теодорих в данном случае должен быть воспринимаем не просто как подражатель императорской власти (пусть даже он сам стремится им выглядеть⁹), но как претендент на реальное преемство. Вероятно, в этом заключается один из самых важных моментов «Остготского возрождения», который сближает его с последующими европейскими «Возрождениями» – его политический контекст, верное понимание которого помогает решить ряд вопросов, связанных с особенностями культурного

⁸ Перевод с латинского мой – С.С.

⁹ Напр., в [21, I, 1].

развития эпохи (например и то, что остготы не придавали большого значения образованности).

По какой же причине Теодорих не принимал мер, направленных на обучение готов «свободным искусствам», несмотря на то что, как свидетельствует Прокопий Кесарийский, среди готов были образованные люди, даже знакомые с философией Платона [11, I, 3, 1]? Вероятно, это объясняется тем, что Теодориху достаточно было привлечь на государственную службу «последних римлян», чтобы уже считаться покровителем «римского обычая». Если образованность некогда и отличала римлян от варваров¹⁰, то уже Аммиан Марцеллин свидетельствует, что «библиотеки навсегда заперты, как гробницы» [1, XIV, 6, 18], а «иные (римляне – С.С.) боятся науки, как яда» [1, XXVIII, 4, 14]. Образованность все более становится уделом избранных. Сидоний Аполлинарий пишет буквально следующее: «Так как ныне порушены все ступени, отделявшие некогда высоту от низости, то единственным знаком благородства скоро останется владение словесностью» [5, с. 447]. Диоклетиану не нужно хорошее образование, чтобы стать «отцом золотого века» в представлении Элия Лампридия [4, с. 311]. У Требеллия Поллиона встречаем следующую максиму: «В императоре нужны одни качества, а от оратора и поэта требуются другие» [15, с. 233]. Это представление получает законченный вид в оценке остготов: «Теодорих... захватил императорскую власть... хотя о всяких науках он не слышал даже краем уха» [11, I, 1, 29]. В отличие от

Карла Великого, Теодориху Великому нет необходимости заниматься возрождением собственно «свободных искусств». Если, например, тот же Ноткер Заика свидетельствует, что «когда Карл стал единовластным правителем в западных странах мира, занятия науками почти повсюду были забыты» [8, с. 369], то это свидетельство, хотя и напоминает по виду слова Аммиана Марцеллина «библиотеки навсегда закрыты», имеет принципиально иное значение.

«Забыть науки» в VII–VIII веках означает полностью потерять их, утратить связь эпох. Если же «библиотеки... закрыты» во время Аммиана Марцеллина, то речь идет всего лишь о том, что наука становится достоянием избранных, перестает быть явлением массового характера. «Свободные искусства» продолжают жить как во времена Теодориха, так и после него, и возрождать их не нужно. Речь идет только о сохранении культуры, о чем красноречиво свидетельствует высказывание Симмаха: «Молю вас, сделайте так, чтобы мы, стариками, смогли передать своим потомкам то, что еще детьми получили от отцов» [5, с. 406].

«Варварство» для Теодориха – это, прежде всего, отсутствие единой централизованной власти, подобной императорской, с соответствующими институтами, и отсутствие письменного закона либо подчинения ему среди граждан. Хотя Теодорих высказывал восхищение науками через своего квестора, они, очевидно, не представляли для него способ отрыва от состояния «варварства», что существенно отличает «Остготское возрождение», скажем, от Каролингского или Оттоновского. В данном случае, если мы хотим верно оценить степень возрождения римской культуры (в том числе и политической культуры) под властью Теодориха, опять-таки следует об-

¹⁰ О чем могут свидетельствовать, например, следующие высказывания: «Хотя он (Сильван – С.С.) родился от отца – варвара, но достаточно хорошо усвоил римскую образованность» (цит. по: [12, с. 156]), «Он (Юлий – С.С.) называл их неучами и варварами» (цит. по: [10, с. 451]).

ратиться к оценкам современников эпохи: «Теодорих был... самым настоящим императором, ничуть не хуже наиболее прославленных» [11, I, 1, 29].

Своеобразную «смену парадигмы» в отношении к «свободным искусствам» со стороны остготской королевской власти можно наблюдать после смерти Теодориха и обострения борьбы за престол в Остготском королевстве. Большой интерес в данном отношении представляет письмо, составленное от имени короля Аталариха в 533 году, адресованное сенату города Рима. Предметом послания является проблема своевременной и полной выплаты заработной платы преподавателям «свободных искусств» города Рима:

«Король Аталарих сенату города Рима.

По праву обратиться о делах сыновей к лицам, известным нам под именем Отцов, ведь для вас самих необходимо помышлять о преуспевании сыновей, и вам важно процветание римского учения. Нельзя поверить, чтобы вы были обеспокоены этим меньше нас, поскольку и отпрыски ваши выросли прославленными, и собрание стало советом благодаря усердию в чтении.

Недавно (а наша обеспокоенность происходит благодаря вашей заботе), до нас дошли слухи о том, что учителя римского красноречия не получают свою установленную плату, и из-за хищений некоторых лиц суммы, предназначенные для оплаты труда школьных учителей, были уменьшены. Поэтому, одновременно с открытым поощрением развития искусств, постановляем, что противоречит священному праву отнимать что-либо у учителей юности, которых надлежит побуждать к славному учению через рост поощрений.

Воистину первая школа грамматики является прекрасным основанием учено-

сти, славной матерью красноречия, которая мышление обновляет к славе, учит говорить без изъяна. Ведь в речи оратора ошибка звучит так же неуместно, как для добрых нравов чуждо преступление. Подобно тому, как музыкант созвучием хора делает песню прекрасной, грамматик установкой размера в соответствии с ударением заставляет речь звучать как музыку.

Грамматика – начальница слов, служанка человеческого рода, которая через упражнение в красивейшем чтении древних авторов поддерживает наше благоразумие. Этим не пользуются варварские короли – тому предназначено быть только среди законных правителей. Прочие народы полагаются на оружие – лишь те обращаются к красноречию, которые уступают римским правителям. По этой причине звук трубы призывает к состязанию ораторов гражданского права; по этой причине знатнейшие лица прославлены красноречием; и не говоря лишнего, скажем, что об этом идет речь в настоящем послании.

Посему, Отцы сенаторы, вашей заботе, властью, который мы божественной милостью наделены, поручаем, чтобы принимающий должность в школе свободных наук, будь то грамматик, или оратор, или толкователь права, без какого-либо умаления получал плату, как и его предшественник. И, прежде всего, вашему первейшему сословию и остальным наделенным властью членам славнейшего сената следует проследить, чтобы до тех пор, пока всякий из этих учителей способен надлежащим образом исполнять свое дело, не претерпевал бы нечестивого умаления содержания ни путем пропуска выплаты, ни путем ее уменьшения, но под вашим управлением и надзором имел свой достаток в безопас-

ности, если соблюдает постановления префекта города.

И чтобы он нисколько не зависел от неопределенного намерения выделить ему содержание, пусть учителю, как только истекут шесть месяцев, от установленной суммы выплачивается половина, остаток же – в течение года, с возмещением задолженности по содержанию (а неисполнение обязанности платить является нарушением), или в кратчайший срок. При этом желаем нашим постановлением непоколебимо установить, что если кто-либо по расчету упустит время исполнения своей обязанности, пусть искупит потерю лишнего времени, претерпев убыток, поскольку честное исполнение заслуживает похвалы, а жадность заслуживает наказания.

Если нашей властью щедро одариваемы актеры, которые увеселяют народ, хотя такой необходимости они не имеют, насколько более важно без задержки выплачивать содержание ученым людям, через которых происходят и честные нравы, и наш дворец напитывается даром красноречия. Мы, однако, также повелеваем вашему почтенному собранию сообщить учителям наук, что подобно тому, как мы озабочены их доходами, мы настойчиво требуем от них большего старания в деле обучения молодежи. С настоящего времени утрачивает силу их жалобное заявление о том, что ум не должен быть занят двумя делами одновременно. Отныне они проверенно имеют сносное жилище; пусть теперь заслуженно предадутся лишь одной заботе, а именно всю силу души направят на изучение славных искусств¹¹.

Представленная в послании хвалебная ода «искусству грамматики» изящно дополнена реминисценциями одной из акту-

альных в социальном отношении тем эпохи поздней античности, затронутой в том числе в «Сатирах» Ювенала: «Дело великой души – не забота купить покрывало / Но созерцанье коней, колесниц, божественных ликов / Той Эринии, кем приведен в смятение Рутул... Если б Вергилий был без слуги, не имел бы жилища / Сносного, то из волос Эринии все гидры упали б / Мощным звуком труба, онемев, не выгнала бы... Кто же Келаду отдаст, Палемону ученому столько / Сколько их труд заслужил грамматика? А ведь из этой / Мелочи (плата у них куда чем у риторов меньше!) / Кой-что откусит на долю свою и дядька безмозглый / И выдающий урежет себе... А кончится год, получай-ка / Сколько за день собирает с толпы победитель из цирка...» [18].

Анализируя содержание представленного послания, нельзя не задаться вопросом о том, кто был инициатором и вдохновителем его составления. Сложно предположить, что подлинным автором послания мог быть семнадцатилетний король Аталарих, который к концу своего правления, согласно свидетельству Прокопия Кесарийского, «предавшись безграничному пьянству, впал в болезнь и в полный маразм» [11, I, 3]. Несмотря на то что король благодаря усилиям матери успел получить основы римского образования и теоретически вполне мог стать проводником ценностей римской образованности, последние годы его жизни были омрачены влиянием тех представителей германского нобилитета, которые были заинтересованы в полном разрыве наследника трона с римскими традициями: «По мере того как он становился взрослым, они стали побуждать его к пьянству, к общению с женщинами, окончательно портили его характер и, пользуясь

¹¹ Перевод с латинского мой – С.С.

его неразумием, внушали ему непослушание матери, так что он вообще не считал нужным считаться с ней» [11, I, 2].

В качестве наиболее вероятного кандидата на роль идеолога данного послания может, по всей видимости, рассматриваться префект претория Флавий Кассиодор, назначение которого на столь высокую должность в 533 году исследователи склонны связывать с временной победой королевы Амаласвенты [20, р. 50]. Вероятно, уже в начале 530-х годов у Кассиодора вызревает замысел создания в Риме школы теологии, который он позже будет пытаться реализовать совместно с римским папой Агапитом (535–536 гг.): «Я пытался вместе с блаженнейшим папой Агапитом, собрав и оплатив расходы преподавателей, основать в Риме христианскую школу, подобную той, что долгое время существовала в Александрии, а теперь устроена в сирийском городе Низибии, в которой и душа бы могла устремиться к вечному спасению, и язык обрел бы безукоризненное и благонаравнейшее красноречие» [16]. Изучение грамматики¹² являлось необходимой составляющей постижения светских и божественных наук, о чем автор позже напишет в своем «Наставлении»: «Грамматика есть искусство изысканной речи, заимствованное у знаменитых поэтов и писателей, ее задача состоит в создании прозы и стихов без изъянов. Вершина ее – в обретении способности к совершенной речи и безукоризненному письму через знание» [14, с. 370]. Озабоченность автора положением и оплатой труда школьных учителей, по всей видимости, напрямую связана со

¹² Кассиодор выделяет два грамматических искусства (*artes grammaticae*): критику текста (*emendatio*) и культурно-историческую экзегезу (*enarratio*). Более подробно: [22, Р. 80].

стремлением Кассиодора реализовать в будущем свой план по созданию в Риме школы богословия.

Во многих вопросах автор, несомненно, оказывал большое влияние на политическую жизнь остготского королевства, однако, вряд ли возможно предположить, что при составлении значимых в политическом отношении посланий он действовал без оглядки на мнение представителей королевской фамилии. Судьба Симмаха и Боэция была слишком серьезным уроком для римской аристократии, чтобы Кассиодор решился им пренебречь. Очевидно, что в подобных делах Кассиодор действовал в согласии с королевой Амаласвентой, покровительствовавшей римской культурной традиции и оказывавшей поддержку представителям римской аристократии.

Королева взошла на трон в качестве регента при своем малолетнем сыне после смерти ее отца, короля Теодориха Амала, в 526 году. Первые годы ее правления характеризовались относительным благополучием, 30-е же годы прошли в тяжелой борьбе с представителями германской знати, ставившими под сомнение легитимность ее правления. Как отмечает Прокопий Кесарийский, «из варваров многие уже восставали против нее и без стеснения требовали, чтобы она, женщина, сложила царскую власть» [11, I, 2]. Одной из тенденций государственной политики Амаласвенты рассматриваемого периода была романизация политической элиты, что выражалось в том числе в получении ее сыном, королем Аталарихом, римского образования: «Амалазунта хотела, чтобы ее сын по своему образу жизни был совершенно похож на первых лиц у римлян и уже тогда заставляла его посещать школу учителя» [Там же]. Подобная

направленность ее деятельности не устраивала значительную часть германского нобилитета, предъявлявшего свои требования королеве в ультимативной форме: «Собрались те, которые у готов считались наиболее высокопоставленными, и, придя к Амалазунте, обвиняли ее, что сын ее воспитывается у них неправильно и не так, как следует для их вождя; что науки очень далеки от мужества, а наставления старых людей по большей части обычно приводят к трусости и нерешительности. Потому необходимо, чтобы тот, кто в будущем хочет быть смелым в любом деле и стать великим, был избавлен от страха перед учителями и занимался военными упражнениями... “Так вот, государыня, – сказали они, – всем этим педагогам отныне вели убираться по добру по здорову, а Аталариху дай товарищами кого-нибудь из сверстников, которые, проводя с ним свои цветущие годы, будут побуждать его к доблести, согласно нашему варварскому обычаю”. Услышав это, Амалазунта хотя и не одобрила их слов, но, боясь какого-либо заговора со стороны этих лиц, сделала вид, что ей по душе их речи, согласилась со всем, чего требовали от нее варвары» [Там же].

Предприняв решительные меры по физическому устранению наиболее влиятельных политических оппонентов из среды германской знати, королева добилась некоторого укрепления своих позиций, восстановив, по всей видимости, к 533 году влияние на своего сына. В рассматриваемом послании короля Аталариха римскому сенату королева публично продемонстрировала геокультурные приоритеты своей государственной политики, одновременно упрядив возможные сомнения представителей римской аристократии в том, под чьим влиянием находится юный король. Дан-

ное послание представляет, таким образом, политический ход, реализованный по замыслу двух людей – Кассиодора и Амаласвенты, преследовавших каждый свои цели, но объединенных общей идеей создания готско-римского государства, которое стало бы наследницей традиций Западной римской империи.

Таким образом, преодоление проблемы «варварства» с использованием интеллектуального инструментария, предложенного Кассиодором, было обусловлено необходимостью интеграции истории остготов в римскую культурно-историческую традицию и формирования нового образа остготской королевской власти. Анализ источников позволяет говорить о двух основных этапах «Остготского Возрождения», в рамках которых происходила эволюция восприятия категории «варварства». Первый из них относится к эпохе правления Теодориха Амала, второй – к периоду регентства его дочери Амаласвенты. Если в рамках первого этапа при остготском королевском дворе господствовало представление о состоянии «варварства» как об отсутствии единой централизованной власти, подобной императорской, с соответствующими институтами, и об отсутствии письменного закона либо подчинения ему среди граждан, то для второго этапа характерно обращение к прочтению «варварства» как состояния оторванности от плодов римского образования и культуры. Это позволяет сделать вывод о том, что «Остготское Возрождение» было комплексным культурным явлением, в рамках которого происходило не только заимствование отдельных культурных форм, но и укрепление институциональных основ позднеантичного образования и культуры.

Литература

1. Аммиан Марцеллин. Римская история / пер. с лат. Ю.А. Кулаковского, А.И. Сони. – СПб.: Алетейя, 1996. – 558 с.
2. Бозций. «Утешение философией» и другие трактаты. – М.: Наука, 1990. – 416 с.
3. Брагина Л.М. Аламанно Ринуччини и его диалог «О свободе» // Средние века. Вып. 45. – М.: Наука, 1982. – С. 119–140.
4. Памятники поздней античной научно-художественной литературы II–V века / отв. ред. М.А. Гаспаров. – М.: Наука, 1964. – 413 с.
5. История римской литературы / под ред. С.И. Соболевского, М.Е. Грабарь–Пассек, Ф.А. Петровского. – Т. 2. – М.: Изд-во АН СССР, 1962.
6. Кнабе Г.С. Корнелий Тацит: Время. Жизнь. Книги. – М.: Наука, 1981. – 206 с.
7. Корсунский А.Р. К вопросу об эдикте Теодориха // Европа в средние века. – М.: Наука, 1972. – С. 189–197.
8. Памятники средневековой латинской литературы IV–IX веков. – М.: Наука, 1970. – 438 с.
9. Пиков Г.Г. Из истории европейской культуры. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2002. – 255 с.
10. Плутарх. Сравнительные жизнеописания. В 3 т. Т. 2. – М. Изд-во: АН СССР. Серия: Литературные памятники, 1963. – 548 с.
11. Прокопий Кесарийский. Война с готами / пер. С.П. Кондратьева. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950. – 515 с.
12. Римские историки IV века. – М.: РОС-СПЭН, 1997. – 414 с.
13. Скржинская Е.Ч. Примечания / Иордан. О происхождении и деяниях гетов. 2-е издание – СПб.: Алетейя, 1996.
14. Средневековая Европа глазами современников и 75 историков. Книга для чтения. Часть II: Европейский мир X–XV вв. / отв. ред. А.А. Ястребицкая. – М.: Интерпракс, 1995. – 384 с.
15. Федорова Е.В. Люди императорского Рима. – М.: Изд-во МГУ, 1990. – 366 с.
16. Шкаренков П.П. Translatio imperii: Флавий Кассиодор и римская традиция в Остготской Италии // Новый исторический вестник. – М., 2005. – № 2. – С. 5–22.
17. Энциклопедия искусства Средних веков и Возрождения / авт.-сост. О.Б. Краснова. – М.: Олма Пресс, 2002. – 288 с.
18. Ювенал. Сатиры / пер. Д.С. Недовича и Ф.А. Петровского, вступ. ст. А.И. Белецкого. – М.–Л.: Академия, 1937. – 158 с.
19. Anonymus Valesianus. Excerpta Valesiana, XII. Monumenta Germaniae Historica. Auctores Antiquissimorum, T. IX, Vol. I. Berolini, 1892. Электронная версия: http://bsbdmgh.bsb.lrz-muenchen.de/dmgh_new/
20. Barnish S.J.B. Cassiodorus: Variarum. – Liverpool, 1992. – 202 с.
21. Cassiodori Senatoris Variarum, Monumenta Germaniae Historica, Auctores Antiquissimorum Tomus XII, Berlin, Weidmann, 1894. Электронная версия: http://bsbdmgh.bsb.lrz-muenchen.de/dmgh_new/
22. Cooper K. The fall of the Roman household. – Cambridge, 2007. – 319 с.
23. Drew K.F. The Laws of the Salian Franks. – University of Pennsylvania Press, 1991. – 256 с.
24. Auerbach E. Literary Language & Its Public in Late Latin Antiquity and in the Middle Ages. – New York, 1965. – 415 с.
25. Iordanes. De origine actibusque Getarum (Getica) // Monumenta Germaniae Historica. Auctores Antiquissimorum, T.V, Pars Prior. Berolini, 1882. Электронная версия: http://bsbdmgh.bsb.lrz-muenchen.de/dmgh_new/
26. Yitzhak H. Roman Barbarians. The Royal Court and Culture in the Early Medieval West. – Houndmills, Basingstoke, Hampshire, 2007. – 213 с.